

УДК 94 (470.41)"17/18"

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТАТАРСКИХ ПОМЕЩИКОВ И ИХ ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ РОДА ЯУШЕВЫХ)

© 2016 г. И.З.Файзрахманов

В статье рассматриваются взаимоотношения между Яушевыми и их дворовыми людьми на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. как сложное социально-экономическое явление, отличное от привычного в нашем понимании взаимоотношений помещика и крепостного в русской деревне. В центре внимания – имущественные споры, вопросы личной независимости и закрепощения.

Ключевые слова: Яушевы, XVIII век, дворовые люди, помещичьи крестьяне, взаимоотношения, жалоба, наказание, повинность.

Вопросы формирования и социальной эволюции сословия служилых татар в составе Русского государства в XVI–XVIII вв. не раз становились предметом изучения историков в последние 30–40 лет. В статье С.Х. Алишева «Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI–XVIII вв.» (Алишев, 1984) показан процесс разложения прежней военно-служилой знати Казанского ханства и постепенного низведения ее в правах, наряду с ясачным населением, до положения государственных крестьян. Публикации Д.А.Мустафиной охватывают широкий круг вопросов, в числе которых изучаются становление поместного землевладения, торгово-промысловая деятельность, признание в дворянском достоинстве отдельных родов служилых татар и др. (Мустафина, 2007, 2009, 2012). Активизация исследований по татарскому дворянству также выразилось в издании работ С.Х.Еникеева «Очерк истории татарского дворянства» (Еникеев, 1999), И.Р.Габдуллина «От служилых татар к татарскому дворянству» (Габдуллин, 2006), Г.Б.Азаматовой «Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере дворян Тевкелевых» (Азаматова, 2008) и др. В последней работе особо рассматриваются способы приобретения земельной собственности помещиков Тевкелевых, формирование их крепостного населения, степень привязанности крепостных к своим помещикам, напряженные взаимоотношения крестьян и помещиков, которые иногда выливались в такие формы социального протеста, как неповиновение, отказ от работ, участие в восстаниях, в том числе в Крестьянской войне 1773–1775 гг.

В этой статье мы ставим цель раскрыть характерные черты взаимоотношений между служилыми мурзами из рода Яушевых и их дворовыми людьми. Освещение этой малоизученной темы, которая оставалась нераскрытой, прежде всего, по причине крайней малочисленности крепостных у татар, даст возможность глубже осознать внутреннюю жизнь самого татарского общества второй половины XVIII – первой половины XIX в., обремененную многочисленными налогами и повинностями.

Во второй половине XVIII в. было несколько обращений дворовых Яушевых в судебные и административные учреждения, главным образом обусловленные нежеланием крестьян подчиняться им, которых они зачастую не признавали своими хозяевами, так как себя считали выходцами из ясачных или служилых крестьян, а вовсе не из помещичьих.

Так, еще в 1767 г. татары д.Кумургузя Алатской дороги Казанского уезда Абдул Сеитов и еще пять однодеревенцев подали прошение на имя императрицы с просьбой об исключении их от владения Яушевых. За неподчинение помещикам и за подачу ненадлежащего Ее Императорского Величества руки прошения они были наказаны плетью и возвращены во владение их прежних владельцев (НА РГ. Ф.168. Оп.1. Д.836. Л.32). Напомним, это тот самый год, с которого крестьянам было запрещено подавать прошения, жалобы на своих помещиков лично императрице или императору.

Начиная с 1790-х гг. случаи неподчинения крепостных Яушевым становятся довольно частыми. Подобная ситуация, которая случилась с А.Сеитовым и с его «товарищами», повторилась в 1792 г. с ним же и с 5-ю крепостными Рафика и Япея Яушевых в д.Кумургузя Арского уезда Казанской губернии. Крепостные также были отданы под суд, наказаны плетью и возвращены владельцам (Там же. Л.33–33об.).

Однако подобные исходы дел уже не могли испугать подвластных крестьян. Из следственного дела, производившегося в Царевококшайском земском суде в 1795 г. по делу об отыскивании вольности крестьян д.Уртем Царевококшайского уезда Казанской губернии от князей Яушевых видно, насколько укоренившимися были противоречия между помещиками и их крестьянами, которые не могли быть решены одним лишь росчерком пера или простым наказанием провинившихся, что можно усмотреть в нескольких сотнях листов бумаг со справками из различных присутственных мест (ГА РМЭ. Ф.236. Оп.1. д.211).

Крестьяне д.Уртем в 1795 г. подали прошение на имя императрицы, которое было рассмотрено в Казанском губернском правлении. В прошении они указывали, что они исстари являлись служилыми татарами и платили все государственные подати, выполняли повинности, наряду со всеми государственными крестьянами. В то же время они выразили недовольство на Мусу, Гайсу, Юсупа и Валита Исмагиловым детям Яушевым, проживавшим в д.Кошар Арского уезда, которые, по мнению уртемских крестьян, неизвестно на каком основании считали их своими крепостными и потребовали вернуть им все забранные Яушевыми деньги, хлеб, скот и проданных их детей, и вообще запретить въезд Яушевых в их деревню (Там же. Л. 97об., 98 об.).

Вкратце рассмотрим каким именно повинностям и лишениям подвергались уртемские крестьяне со стороны Яушевых.

Крестьяне жаловались, что Муса, Гайса, Юсуп и Валит Исмагиловы дети Яушевы приезжают в их деревню когда им угодно и разоряют их – отбирают деньги, хлеб, разный скот, забирают их детей в качестве прислуги в своих дворах и используют в тяжелых работах, в том числе в корабельных работах вместо себя, так же продают другим людям, для отдачи в рекруты (Там же. Л. 97об.–98, 101об.).

Уртемские крестьяне приводили перечень, забранных у них Яушевыми имущества и людей.

Таблица 1

Перечень имущества и людей, забранных Яушевыми
в д.Уртем в период с 4-го по 5-ю ревизию (ГА РМЭ, ф.236, оп.1, д.211, л.10–10об.)

Имя и отчество	Забрано		
	имущества (стоимость в рублях и копейках)	денег в рублях и копейках	людей
Ильмурза Биктемиров		55 р.	дочь Мухибба
Манасып Ильмурзин	намолоченный овес (25 р.)	42 р.	
Абдрашит Ильмурзин	лошадь (25 р.), корова с теленком (15 р.), одно улье пчел (12 р.)		
Мансур Бикемаев	одно улье пчел (11 р.), овца (2 р. 50 коп.), гусь колотый (50 коп.)	37 р.	
Якей Ермаков	одно улье пчел (15 р.)	42 р.	дочери Минка, Сахиба, Урзиха
вдова Разья Кадырова	лошадь (30 р.)		сын Япей
Калей Надыров	корова (15 р.)	77 р. 50 коп.	
Шарып Аширов		50 р.	дочь Юзлюкей
Ибрай Биктемиров		45 р.	сын Мусагит (продан в рекруты Царевококшайской округи деревни Уры служилым татарам за триста рублей); сын Абдрахим; дочь Юзлюкей
Иманай Юртюкеев		45 р.	сын Мургаза, дочери Гулбика, Гулбар и еще третья дочь
Исай Биккулов			сыновья Ишбул, Мустай
Мядей Алкин			сыновья Мусагут и Мустакей
Ибраш			сын Мухаммет
Всего	151 р.	393 р. 50 коп.	18 душ (+300 р. за проданного рекрута)

Уртемские крестьяне также жаловались, что Яушевы для их покорности запугивали продажей другим людям, били и сажали в колодки, при этом не давали пищи (Там же. Л. 98).

В подтверждение своей личной свободы уртемские крестьяне приводили то обстоятельство, что если бы они были помещичьими крестьянами, то никаких податей, корабельной работы и рекрутства в пользу государства без какого-бы то участия помещика они бы не несли, а так они самостоятельно платили подати и выполняли повинности наравне с остальными некрепостными крестьянами, на что у них были следующие доказательства: представили квитанцию в приеме рекрут, плакатный паспорт для выездов из места жительства, квитанции уездного казначейства в получении с них оброчных денег и в зачет за корабельную работу. Кроме того, когда Яушевы забирали у них детей, они брали подписку с них будто бы они отдают своих детей не в подданство, а за невозможностью их воспитывать, а если бы они были действительно их помещиками, то Яушевым не было бы никакой необходимости придумывать такую причину при отобрании у них детей (Там же. Л. 98).

В ответ сами Яушевы также подали прошение с жалобой на их отказ подчиняться им и с доказательствами подчиненности этих крестьян по жалованным крепостям и по владельческим записям 1-й, 2-й, 3-й и 4-й ревизий (Там же. Л. 99). Кроме того, они подтверждали свое дворянское происхождение по ранее представленным в Казанское дворянское собрание документам, по которым собрание удостоило их в княжеском достоинстве и представило документы для утверждения в Сенате. Все жалобы уртемских татар на Яушевых последние назвали лживыми и клеветническими слухами, не заслуживающими какого бы то ни было доверия.

Муса, Гайса, Юсуп и Валит Исмагиловы дети князя Яушевы в доказательство своих помещичьих прав приводили две владенные выписи, выданные первая их прадедам Богдану Исенееву сыну князю Яушеву на крестьян деревень Уртем, Мокши и Кумургузи, а вторая Исенею мурзе Семенееву сыну князю Яушеву на земли и сенные покосы, еще купчую на земли и сенные покосы, выданные их двоюродному брату Ибраю Семенееву. Сами подлинники документов были утрачены во время пожара в Казани в 1742 г. (Там же. Л.106).

На жалобы уртемских татар в отправление их Яушевыми вместо себя на заготовки корабельных лесов сами Яушевы заявили, что эти крестьяне стали исправлять лашманскую повинность только после 1782 г., и то только за себя, а не за них (Там же. Л. 45 об., 106 об.).

Яушевы также не согласились со всеми жалобами уртемских татар об отобрании у них имущества и детей. По их показаниям, дочь Мухибба ранее упомянутого татарина Ильмурзы Биктемирова была выдана в замужество за дворового человека, за что ее отцу жених отдал калым в размере 10 руб., а за выдачу другой его дочери Хамиды за свободного человека без разрешения помещика с И.Биктемирова было взыскано 40 руб. в пользу Яушевых. Точно также за выдачу дочери Манасыпа Ильмурзина (сына Ильмурзы Биктемирова) за свободного человека без разрешения помещика от ее отца было получено 40 руб. (Там же. Л. 106 об.).

По сведениям Яушевых, у Абдрашита Ильмурзина ничего не было взято, а то, что числилось взятым у него (лошадь, корова с телятком, одно улье пчел) на самом деле было взято у другого их крестьянина Исаю Биккулова, отданного в рекруты, а его два малолетних сына Ишбай и Мустай были забраны Яушевыми к себе. У Мансура Бикемаева также ничего не было взято, а получено от того отданного в рекруты Исаю Биккулова один улей с пчелами. 37 руб. денег, овца и гуся они не брали.

У Якея Ермакова действительно были взяты три дочери: Минка отдана в качестве приданого их сестре Зюбейде Исмагиловой Яушевой, Сахиба находилась при дворе, а Урзиха выдана Яушевыми замуж за свободного человека. Пчелы также были взяты от того отданного в рекруты Исаю Биккулова, а 42 руб. они не брали.

У вдовы Разьи Кадыровой сын Япей был продан Усману Семенову, а ее две лошади были взяты.

У Калея Надырова никакой собственной коровы не было забрано, а забрана та корова, которая осталась у него от взятого в рекруты Бикбова. За вышедшую замуж за свободного человека дочь Васифу ее отец заплатил Юсупу Исмагилову князю Яушеву 56 руб. 50 коп., за другую дочь Насыху он же получил калым от жениха в размере 13 руб., еще получено 3 руб. за взятую рекрутскую избу, а 5 руб. не получено (Там же. Л. 46, 107).

Шарыпа Аширова, бежавшего от помещика, и который был пойман, не стали судить, но взяли от него 50 руб., а дочь девку Юзлюкею взяли к себе во двор.

У Ибрая Биктемирова сын Мусагит был взят и продан татарам деревни Уры Царевококшайского уезда не за 300, а за 200 руб., после чего он пошел в рекруты вместо уринских. Другой его сын Абдрехим был отдан в качестве приданого сестре братьев Яушевых Зюбейде Исмагиловой

Яушевой. Дочь Юзлюкея вышла замуж за дворового человека, за две же дочери, вышедших замуж за вольных людей, не их отцом, а их женихами выплачено 30 руб., а не 45 руб.

У Иманая Юртукеева сын Муртаза был взят во двор, ее дочери первая Гулбика была отдана за дворового человека, вторая Гульгара пропала до 1783 г., а третья Гулбара была выдана замуж за дворового, за которую Яушевыми было получено 40 руб. калыма от ее мужа, а не от Иманая.

У Мядея Алкина сын Мусагит был взят во двор, который в 1794 году отпущен на волю и местонахождение его неизвестно, другой сын Мустакей подрабатывал вольнонаемным работником, за которого его отец получал денежную плату.

У умершего Ибраша сын Мухаммет был взят во двор, так как они и по ревизским сказкам числились во дворе (Там же. Л. 106 об.–107 об.).

Несмотря на противоречивые показания уртемских крестьян и Яушевых, можно сделать определенное представление о степени зависимости первых от последних. Прежде всего, бросается в глаза, что крестьяне д.Уртем не платили оброк Яушевым. Все выплаты шли через уездное казначейство в государственную казну, в том числе оброчные деньги. Барщинное хозяйство как таковое не сложилось – хотя земли д.Уртем и были за Яушевыми по жалованным грамотам, сами уртемские крестьяне фактически пользовались землей как собственной, несмотря на то, что они считались дворовыми, т.е. безземельными крестьянами. В то же время, мы видим достаточно крепкую личную зависимость крестьян от Яушевых. Дворовых могли продать другим людям, забирать малолетних в свои дома для последующей работы во дворе и в поле. Из личной зависимости крестьян вытекала и их имущественная зависимость, проявлявшаяся в различных формах. Так, если дочь дворового крестьянина выходила замуж за свободного человека без согласия Яушевых, то ее отец или жених должны были выплатить определенную им сумму. В большинстве случаев жених отдавал калым не родителям невесты, а их хозяину. Лишь в одном из рассмотренных случаев зафиксировано, что Яушевы добровольно согласились выдать дочь их дворового человека, не требуя выкупа. Как видим из показаний Яушевых, чаще всего имущество крестьян, начиная от улья пчел и заканчивая лошадьми и коровами, забиралось ими у ушедших в армию рекрут, хотя по показаниям уртемских татар, не только у них.

В качестве одного из основных доводов своего нежелания служить Яушевым уртемские татары приводили свою родословную, которая будто бы восходит к служилым татарам, родственным со служилыми татарами соседней деревни Нуртяк. Так, татарин д.Уртем Ильмурза Биктемиров по тому, что ему рассказывал отец, заявлял, что его предок Булат, отчества которого никто уже не помнил, был родствен со служилыми татарами д.Нуртяк, от Булата родился сын Сарманай, от Сарманая Чабыш, от Чабыша Биктемир, от Биктемира он Ильмурза, а от Ильмурзы сын его Абдрешит.

Для выяснения родственных связей татар д.Уртем со служилыми татарами д.Нуртяк были вытребованы документы 1-й, 2-й и 3-й ревизий, по которым они значились дворовыми Яушевых (Там же. Л.74–78, 111, 114 об.–116 об.). Для сведения также была приведена копия грамоты 1622 года, данная воеводами князем Борисом Михайловичем Лыковым, князем Федором Петровичем Барятинским и дьяками Андреем Степановым и Иваном Васильевым Исенею мурзе Семенову князю Яушеву на владение выморочными поместными дачами, оставшимися от Тохтара Тохтамышева после его смерти в деревнях Атня, Кумургузя, Айша и Уртем. В документе особо оговаривалось: «а ему с кабаков и поместья государева служба служить и которые крестьяна в тех Тохтаровских поместьях ныне живут и впредь учнут жити помещика Исенея мурзы Семенова слушал пашню на него пахал и доход ему помещиков платил чем он кого пооброчит до тех мест как за ним те поместья отпишут и измерят государевы большие писцы и мерщики и учинит за ним пашни» (Там же. Л. 81, 118–118 об.). Однако родственные связи татар д.Уртем и д.Нуртяк подлинно так и не были выяснены. В дополнение к этому можем сказать, что некий Бикбулатко Болтаев с двумя сыновьями Мурзайком и Курманайком упоминается в числе дворовых людей Богдана мурзы Семенева сына Яушева в д.Уртем по переписным книгам окольного Т.Ф.Бутурлина и подьячего А.Грибоедова поместий служилых новокрещенов, мурз и татар по Алатской дороги Казанского уезда за 1646 г. (Там же. Л.103 об.).

В итоге, в 1797 г. уртемские татары по решению Казанской палаты суда и расправы были оставлены за Яушевыми с той оговоркой, что если Яушевы не будут Сенатом утверждены в дворянском достоинстве, то тогда смогут получить свободу (НА РТ. Ф.168. Оп.1. Д.836. Л.42). Такое решение Казанской палаты суда и расправы, хотя и оставило уртемских татар во владении и полном повиновении князьям Яушевым, но дало толчок к новым неповиновениям со стороны дворовых,

поскольку Яушевы, несмотря на настойчивые прошения в государственные учреждения Российской империи, так и не утверждались в дворянском достоинстве.

В 1799 г. в Оренбургской гражданской палате рассматривалось дело о непризнании татарами д.Верхние Ерыклы Мензелинского уезда Оренбургской губернии своей подвластности отставному подпоручику той же деревни Мухамету Усманову и д.Кошар Юсупу Исмаилову князьям Яушевым. В ходе разбирательства дела выяснилось, что эти татары д.Верхние Ерыклы с 1-го по 4-ю ревизию были записаны за Яушевыми, а по 5-й ревизии без всяких на то оснований показали себя служилыми татарами. По решениям Сената от 25 и 27 мая 1803 г. было определено, что упомянутые татары д.Верхние Ерыклы должны оставаться у прежних владельцев, и то, что они платят равные со своими помещиками налоги, не освобождает их от подчинения своим владельцам. В то же время разъяснялось, что сами помещики не имеют права взыскивать с них положенные с них государственные налоги (Там же. Л. 36 об.–37 об.).

В 1810 г. крепостной Япея Даутова князя Яушева Биккена Мустафин из д.Мокши Казанского уезда Казанской губернии жаловался на своего владельца. Дело обстояло так: Б.Мустафин выдал свою дочь Алифу без согласия помещика за государственного крестьянина д.Менгер того же уезда Сабита Габбасова, после чего Я.Даутов при помощи казачьей команды отобрал ее от мужа и насильно выдал за своего дворового человека д.Мокши Абсаляма Юнусова. В результате Б.Мустафина продержали в смирительном доме 3 недели (НА РГ. Ф.168. Оп.1. Д.836. Л. 34–35; ГА РМЭ. Ф.236. Оп.1. Д.211. Л.221 об., 222).

Неоднократные попытки Яушевых привести татар д.Уртем к повиновению, в том числе с помощью воинских команд, не дали желаемых результатов. Дело доходило до оскорблений и угрозам жизни помещика со стороны уртемских татар, которые и при присутствии земской полиции не гнушались выражать свою неприязнь. Например, в 1810 г. Казанская палата уголовного суда приговорила уртемских татар к содержанию на 3 недели в смирительном доме, которые никаких доказательств на свою свободу не приводили, а просили истребовать у Яушевых крепостные и владельческие акты (НА РГ. Ф.168. Оп.1. Д.836. Л. 44 об.–45).

В 1817 г. уртемские татары вновь подали прошение с просьбой об их освобождении от Яушевых (Там же. Л. 37 об.). Рассмотренное в Царевококшайском уездном суде дело первоначально было в пользу уртемских татар – по определению суда от 14 марта 1817 г. они получили свободу (Там же. Л. 41 об.). Однако не все было так просто. Уже 10 мая того же года Царевококшайский уездный суд предписал Царевококшайскому земскому суду прекратить исполнение прежнего своего постановления и чтобы он руководствовался предписанием губернского правления «к ограждению права владельцев Яушевых от оказываемых возмущений, чинимых уртемскими татарами, принадлежащими Яушевым, тотчас принял меры с употреблением в нужном случае воинской команды» (Там же. Л. 40).

Такие двоякие постановления объяснялись отсутствием однозначной позиции государства по отношению к потомкам татарских помещиков, которые в свое время получили владельческие права на поместья и крестьян, но со времен Петра I находились в податном состоянии и постепенно теряли свои владельческие права. Так, во время проведения второй ревизии в 1745–1748 гг. возник вопрос, как писать в ревизских сказках дворовых людей крещеных и некрещеных служилых мурз и татар, находившихся в подушном окладе. Были различные мнения: 1) оставить их по прежнему за ними в семигривенном окладе (70 коп.), соответственно, предполагалось, что оставшиеся 40 коп. оброчных денег они должны были платить своему хозяину; 2) оставить их по прежнему за ними в семигривенном окладе, но исключить из числа дворовых русских крестьян (всего 40 человек), которые по указу от 30 сентября 1726 г. оказались во владении новокрещеных мурз и татар; 3) по примеру имевшихся в небольшом количестве у них же за служилыми мурзами и татарами Казанской и Оренбургской губерний некрещеных башкир, написать дворовых людей наравне с ними в своих деревнях и обложить этих дворовых дополнительно четырехгривенным (40 коп.) окладом государству; 4) оставить за ними только написанных в прежнюю перепись, а купленных между ревизиями отобрать, обосновывая это тем, что законы не разрешали покупать крестьян находящимся в подушном окладе людям; 5) отобрать всех их дворовых и распределить по их желаниям (ГА РМЭ, ф.236, оп.1, д.211, л.126 об.–128 об.). Как известно, по указу от 16 декабря 1745 г. крещеным служилым мурзам и татарам «как о дворянх чинить повелено» и «в нынешнюю перепись в подушной оклад писать не велено» (ГА РМЭ. Ф.236. Оп.1. Д.211. Л. 128 об.; ПСЗ–1, т.12, №9236). Дворовые люди некрещеных служилых мурз и татар были написаны наравне с ними в своих деревнях с

обложением дополнительного четырехгривенного оклада (ГА РМЭ. Ф.236. Оп.1. Д.211. Л. 128). Таким образом, государство не отобрало у них дворовых людей, но уравнило в правах.

В нашем случае, в административных органах также были различные мнения, как в пользу освобождения уртемских татар, так и против. Так, казанский гражданский губернатор И.А.Толстой, которому в 1820 г. было внесено на утверждение указанное дело, рассмотрев справки, по которым уртемские татары должны были оставаться при Яушевых, и то, что по прежним решениям они назывались, нашел решение Казанской палаты суда и расправы 1797 года законным, и, утвердив, направил для дальнейшего производства. Таким образом, И.А.Толстой, никак не касаясь вопроса утверждения Яушевых в дворянском достоинстве, считал Яушевых помещиками уртемских татар и негласно придерживался того мнения, что если даже Яушевы не были бы утверждены в дворянском достоинстве, то все равно уртемские татары оставались бы в прежнем своем состоянии – во владении князей Яушевых, так как последние если не сейчас, то через какое-то время могли добиться своего признания. Мнение исполнявшего должность Казанского губернского прокурора губернского казенных дел стряпчего Борисова было совершенно противоположным. В отзыве от 4 марта 1821 г. он заявлял: «как со времени заключения 1 департамента палаты суда и расправы протекло более 23 лет, в продолжении коих Яушевы утвержденными в мурзинском достоинстве, могущем право дать им на владение крепостными людьми, остается в неизвестности, то он губернский стряпчий полагает учинить об оном с кем следует, справку и буде по оной откроется, что Яушевы в мурзинском достоинстве не утверждены, то о предоставлении свободы татарам, находящимся у них Яушевых во владении учинить должное постановление» (НА РТ. Ф.168. Оп.1. Д.836. Л.47–47 об.).

В одном из прошений на имя императора поверенного от уртемских татар Мустафы Иманаева от 4 мая 1817 г. прослеживаются 3 основные пункты их недовольства.

Во-первых, Яушевы не допустили их к написанию ревизских сказок 6-й и 7-й ревизий, где они были записаны как дворовые, принадлежащие к тому, или иному помещику, а сами уртемские татары считали себя служилыми. Кроме того, они указывали на неточности в ревизских сказках, будто бы намеренно допущенных Яушевыми: якобы пропустили 2-х душ, чтобы не платить много, а своих детей записали в семейства уртемских татар, чтобы те платили за них.

Во-вторых, Яушевы брали выкуп, когда их крепостные крестьянки выходили замуж за свободного человека, а суммы были немалые. Так, с Ильмурзиной дочери Габида – 50 руб., с Зулейхи Абдрахмановой – 40 руб., с Манасыпа Калиева – 70 руб., с Гулямины Ильмурзиной – 60 руб., с Расимы Манасыповой – 60 руб., с Фатимы Мухаметовой – 50 руб., с Сахибы Якеевой – 50 руб., с Шамсутдина Аминева – 50 руб., с Залифы Аминевой – 50 руб., с Шарыфы Аминевой – 50 руб., с Салимы Абтыковой – 50 руб., с Губейдуллы Ибрагимова – 50 руб. и с Хамиды Амировой – 50 руб.

В-третьих, Яушевы, узнав, что он, М.Иманаев, еще в марте 1817 года подавал жалобу в Казанское губернское правление на незаконный захват ими мукомольной их мельницы, приехали на ту мельницу и забрали все имеющиеся там инструменты. Лишь безотлагательная погоня уртемских крестьян заставила их бросить все и бежать в свою деревню (ГА РМЭ. Ф.236. Оп.1. Д.211. Л. 188–188 об.).

М.Иманаеву не удалось добиться того, что считал справедливым вернуть уртемским крестьянам. Несмотря на разные мнения, главенствующим оставался принцип подчиненности уртемских татар Яушевым. Так, в 1821 г. последовало решение Казанской уголовной палаты по делу об отбывании уртемского татарина Мустакима Ильмурзина от холопства князя Сабита Яушева. За угрозы лишения жизни своего помещика он находился под следствием полгода и был наказан 40 ударами плетью (НА РТ. Ф.168. Оп.1. Д.836. Л.51–51об.). За ослушание своих помещиков, в 1825 г. татары д.Уртем Габайдулла Монасипов, Мустаким Ильмурзин и Башир Аминев были приговорены к трем месяцам пребывания в смирительном доме, из которых только М.Ильмурзин отбыл реальный срок, Г.Монасипов бежал, Б.Аминев из-за болезни был отправлен в дом Яушевых для излечения (Там же. Л. 50–50 об.).

Необходимо отметить активность и решительность уртемских татар в отстаивании своих прав и независимости от Яушевых. Так, в 1820 г. они подавали прошения тайным советникам Кушимо-ву и графу Сайти, ревизовавшим Казанскую губернию, в 1826 г. – в Сенат по 2-му отделению 6-го департамента (Там же. Л. 52об.–53). Заметим, это еще только те прошения и жалобы, которые подавались в государственные органы. Сколько было препирательств между Яушевыми и их дворовыми, не зафиксированные в каких-либо документах, можно лишь предполагать.

В прошении от 20 августа 1826 г. на имя императора поверенного от татар д.Уртем Габайдуллы Манасыпова, жаловавшегося на незаконность их подвластности Яушевым, раскрывается 35

летняя борьба уртемских крестьян за свои права. Прошение начинается с обращения к императору: «Всемиловитейший государь! С 1791 го года искали мы правосудия повсюду у правительственных особ и в судебных местах от нижних инстанций до нынешнего правительства в государстве, но нигде не обрели оного. Везде знатность и богатство дерзновенно. Возвышают голос, а законы молчат! В судах безсудствуют, по законам не законствуют, так Государь! Правда уклонилась от людей. Ныне нам не остается более ничего как следуя узаконению Великого Петра искать и найти ее в сердце Твоем правосуднейший Государь!». В прошении, кроме прочего, перечисляются прежние поверенные от их деревни: Абдурашит Ильмурзин – 20 лет отстаивал их права, не сосчитать, сколько раз сидел в тюрьме, умер; потом Мустафа Иманаев – 7 лет, был задержан, умер; Халил Атик – 2 года, из-за стеснений оставил это дело; Башир Аминов находился в смиренном доме (Там же. Л. 1, 2 об.).

В конечном итоге активность уртемских татар принесла желаемый ими результат – с прошения Габайдуллы Манасыпова дело обрело новый поворот. По заключению управлявшего министерством Юстиции сенатора князя А.А. Долгорукова было принято положение Кабинета Министров, высочайше утвержденное 30 июня 1828 года, по которому Яушевым была предоставлена возможность продать дошедшую им как собственность по наследству от предков их крестьян в установленном для разночинцев 6 месячной срок, а впредь не претендовать на них. Основным доводом такого решения было то, что Яушевы так и не были утверждены в дворянском достоинстве, следовательно, не имели права претендовать на крепостных крестьян, хотя и признавалось, что в случае признания их в дворянском достоинстве, их крепостные не имели бы никаких прав на освобождение, так как Яушевы представили к делу копии с крепостных актов и ревизских сказок с 1 по 5-ю ревизию, в которых просители были записаны за их предками (ГА РМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.270. Л.142–142 об.).

К концу этого 6-месячного срока 26 декабря 1828 года министр финансов обязал Казанское губернское правление 35 душ татар д.Уртем, числящихся лашманами, исключить из этого звания, так как было признано, что они незаконно именовали себя лашманами, а должны были быть во владении Яушевых, но поскольку князья Яушевы на владение этими татарами больше не имели права, то Казанская губернская казенная палата более поздним определением от 24 марта 1830 г. этих 35 уртемских татар перевела в число ясачных (Там же. Л. 153 об.). Продать за столь короткий срок хоть небольшое число крестьян у Яушевых не было возможности. Так, они сумели поймать уртемского крестьянина Исмагила Исхакова, когда тот находился на базаре в д.Большой Атне Казанского уезда и продали кантонному начальнику Мензелинского уезда Мухамедрахиму Абдулжалилову Султанову. Потом было долгое разбирательство о законности или незаконности этой купчей (Там же. Л. 18, 142–143).

В соответствии с положением от 30 июня 1828 г. остальные дворовые люди Яушевых также были переведены в казенное ведомство: по д.Кошар и починку Мокши их было 67 душ (НА РТ. Ф.12. Оп.103. Д.3. Л.55 об.). Таким образом, крепостные Яушевых, которые впервые 7 ревизий в ревизских сказках именованные как их дворовые люди и прикрепленные за тем или иным помещиком, после официального признания их свободы, начиная с 8-й ревизии, записывались на равном статусе с их бывшими помещиками.

Следует сделать вывод, что степень эксплуатации крепостного населения, а также уровень социальной напряженности между Яушевыми и их дворовыми были относительно невысокими. Так или иначе, привязанность к помещику была, также сохранялось относительное правовое бессилие дворовых людей – закон был на стороне помещиков-дворян, кем себя считали Яушевы, и которые на протяжении нескольких десятилетий пытались доказать свое именитое происхождение в административных учреждениях, но поскольку они фактически представляли податную часть населения, платили налоги и исполняли повинности наряду с остальными, у них со своими дворовыми крестьянами не могли возникнуть классические взаимоотношения «помещик-крепостной». Как видим, характер взаимоотношений в большей степени основывался на личной зависимости крестьян от Яушевых и проявлялся в ограничении их свободы и в вытекающих от этого ограничениях имущественных прав. Поэтому, не следует думать, что крепостные были абсолютно беззащитны перед своими помещиками. Законы требовали, с одной стороны, находиться у помещиков в должном повиновении и послушании, с другой стороны помещики также не должны были чинить никаких притеснений своим крестьянам.

Приложение.

1622 (7130) мая 20. – Копия с грамоты на владение выморочными поместьями дачами, оставшимися от Тохтара Тохтамышева в деревнях Атня, Кумургузя, Айша и Уртем по Алатской дороге Казанского уезда, данная воеводами князем Борисом Михайловичем Лыковым, князем Федором Петровичем Борятинским и дьяками Андреем Степановым и Иваном Васильевым Исеню мурзе Семенову князю Яушеву.

По государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси указу боярин и воеводы князь Борис Михайлович Лыков князь Федор Петрович Борятинский да дьяки Андрей Стефанов Иван Васильев дал грамоту Исеню мурзе Семенову на выморочные на Тохтаровские поместья Тохтамышева для того в нынешнем 130м году бил он челом государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси и сказал верстан де он ныне в государеву службу в поместьи де ему оклад триста четь в дачех де за ним нет ни на одну четь и был де тесть ево служилой татарин Тохтар Тохтамышев и тот де тесть ево умер а государева де жалованная поместья за ним был в деревне Атне да в деревне Курмангозе и в деревне в Айше и в пустоши Ортеме да полтретья кабака и та де поместьная земля и кабаки тестя ево никому не отданы и государь бы ево пожаловал велел те поместья и кабаки дать ему в поместье в его оклад а в поместных дачах 111 году написано дано в поместье служилому татарину Тохтару Тохтамышеву в пустоши Шемерденевской по дозорным книгам Сергея Поскотиньева 119м году пашни на его жеребей девять четь бес полуосмины в поле а дву потому ж сена по дуброве и по речке Ортем триста копен да в поместьях же дачах 124 году написано дано в поместье Тохтару же Тохтамышеву в деревне в Курмангозе узевском жеребей Уренеева а по писцовым книгам Ивана Болтина с товарищи 114 году написано в том поместье пашни и перелогу дватцать пять четь в поле а в дву потому ж сена по заполью и по дубровам и по реке по Унбе и на отхожей по жне и за рекою за Унбою меж речки Менгери в разливах и за рекою за Унбою за мостком на старых покосех вобче с ясачною чувашею четьреста дватцать пять копен лесу дубровы пашенные пять десятин да в поместных же дачах 125 году написано дано в поместье Тохтару ж Тохтамышеву в деревне Айше Исене Исенгильдеевской жеребей Ангурчеева а по писцовым книгам Ивана Болтина в том поместье пашни и перелогу двенадцать четь с осминою в поле а в дву по тому ж сена меж поль и по врагом и на реке на Волге за речкою за Сумкою в межах деревни Яков с чувашею и черемисою Дарам волости двести пятьдесят копен лесу дубровы пашенные две десятины да в поместных же дачах нынешняго 130 году написано дано в поместье Тохтару ж в деревне Атне Глевлеевской жеребий Алдеяровой тритцеть четь в поле а в дву по тому ж сена за рекою Ашитом двести копен да по речке Атне триста копен и всего за Тохтаром поместья семдесят шесть четь с полуосминою в поле а в дву потому ж и в нынешнем в 130м году служилого татарина Тохтара Тохтамышева не стало и боярин и воеводы князь Борис Михайлович Лыков князь Федор Петрович Борятинский да дьяки Андрей Стефанов Иван Васильев приговорили Тохтаровские поместья Тохтамышева в пустоши Шемерденевской да в деревне Курмангозе да в деревне Айше да в деревне Атне семдесят шесть четь с полуосминою в поле а в дву потому ж да в поместье Исеней мурзе Семеневу в его оклад в триста четь а ему с кабаков и поместья государева служба служить и которые крестьяна в тех Тохтаровских поместьях ныне живут и впредь учнут жити помещика Исеней мурзы Семенева слушал пашню на него пахал и доход ему помещиков платил чем он кого пооброчит до тех мест как за ним те поместья отпишут и измерят государевы большие писцы и мерщики и учинит за ним пашни. По государеву указу взято пошлин тритцат один алтын пять денег к сей грамоте государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси печать царства Казанскаго приложил боярин и воевода князь Борис Михайлович Лыков лета 7130 мая в 20 день

Источник: ГА РМЭ. Ф.236. Оп.1. Д.211. Л.80–81.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаматова Г.Б. Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере дворян Тевкелевых. Уфа: Гилем, 2008. 135 с.
2. Алишев С.Х. Социальная эволюция служилых татар во второй половине XVI–XVIII вв. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань: ИЯЛИ, 1984. С. 52–69.
3. ГА РМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.270.
4. ГА РМЭ. Ф.236. Оп.1. Д.211.
5. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.

6. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Гилем, 1999. 355 с.
7. Мустафина Д.А. Служилые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. // Гасырлар авазы-Эхо веков. 2004. №1; «... пращур наш подленно был служилой татарин» (из прошения Байбековых о признании в дворянском достоинстве) // Эхо веков. 2007. №2.
8. Мустафина Д.А. Историографические аспекты истории служилых татар // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 2, Ч. 2. С. 7–18.
9. Мустафина Д.А. Торгово-промысловая деятельность служилых татар Казанского края в XVII в. // Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России: материалы международной научной конференции. Казань, 29–30 ноября 2012 г. / [отв. ред. Г.В. Ибнеева; науч. ред. проф. И.П. Ермолаев]. Казань: Издательство Казан. ун-та, 2015. С. 204–218.
10. НА РТ. Ф.12. Оп.103. Д.3.
11. НА РТ. Ф.168. Оп.1. Д.836.
12. ПСЗ-1. Т.12. СПб., 1830.

Список сокращений:

ГА РМЭ – Государственный архив Республики Мари Эл
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е

I.Z. Faizrakhmanov

**THE RELATIONSHIP BETWEEN TATAR LANDLORDS
AND THEIR LANDOWNERS' PEASANTS
DURING THE SECOND HALF OF THE XVIIITH –
THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY
(THE CASE OF THE GENUS YAUSHEVS)**

The article deals the relationship between Yaushevs and their landowners' peasants during the second half of the XVIIIth – the first half of the XIXth century as a complex socio-economic phenomenon, different from the usual in our understanding of the relationship landlord and serf in the Russian village. In the spotlight – property disputes, issues of personal independence and enslavement.

Keywords: Yaushevs, the XVIIIth century, landowners' peasants, serfs, relationship, complaint, punishment, duty.

Сведения об авторе:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань); E-mail: istorkazan@mail.ru

Faizrakhmanov Ilishat Zavdatovich – Candidate of Historical Sciences, Senior staff scientist; Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).